

НАТАЛИЯ ФЕДОРЕНКО

Маленькое начало большой жизни

УСТАМИ МЛАДЕНЦА

Наталия Федоренко

**Маленькое начало большой
жизни. Устами младенца**

«Издательские решения»

Федоренко Н.

Маленькое начало большой жизни. Устами младенца /
Н. Федоренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834339-1

В этой книге сделана попытка посмотреть на мир глазами новорожденного ребенка. Читатель сможет окунуться в мир ребенка и прожить с ним события его жизни, прочувствовать эмоции и немного расслабиться в строках этой книги.

ISBN 978-5-44-834339-1

© Федоренко Н.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
От автора	7
Знакомьтесь – Я – новый человек	8
Страшное слово «Роддом»	9
Первое потрясение	10
Она...	11
Первый голод	12
Я изучаю мир	13
Второй день жизни	14
Мои первые сны	15
Мое первое прошлое	16
Опять боль	17
Выписка	18
Дом	19
Кормление	20
Найди 10 отличий	21
Прогулки	22
Как я вижу	24
Колики	25
Гости	26
Мое первое купание	27
Деликатные проблемы	28
«Хотелось защитить ее, спасти...»	29
Привет из далекого прошлого	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Маленькое начало большой жизни
Устами младенца
Наталия Федоренко

© Наталия Федоренко, 2016

ISBN 978-5-4483-4339-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Думала быть оригинальной и издать книгу без всех этих текстовых прелюдий, но всё же не могу пропустить возможность поблагодарить своего сына за вдохновение на написание этого дискурса. С его появлением мой мир изменился. Не могу точно сказать в какую сторону, просто все стало по-другому.

Держа на руках этот маленький комочек, я пыталась понять, как ОН видит и чувствует мир. Свои ощущения я описала в этой книге. Скорее всего они далеки от научного принятого видения, да и пусть.

Я благодарна своему мужу за поддержку, он очень старался и старается помогать мне во всем.

Также благодарю всех своих родственников и друзей за то, что вы есть. Без вас в книге было бы намного меньше эпизодов.

Спасибо моей креативности и настойчивости.

И тебя, читатель, благодарю за проявленный интерес к этой книге.

От автора

Скажу сразу, что я не любитель «озвучивать» свой внутренний мир. Это не первая, написанная мною проза. Были и стихи, и песни, и рассказы, но ничто из моего креатива не было открыто для публики. На то было много причин. Скорее всего и этот текст так бы и остался лишь одним из доковских файлов на моем компьютере. Но несколько причин всё же заставили меня поднапрячься и «выпустить на волю» эту повесть.

Первая причина – это желание, чтоб мой сын мог, держа в руках эту книгу, сказать своим друзьям: «Ребята, а вот эта книга – про меня!».

Вторая причина, это то, что, получив два образования, в том числе и филологическое, за долгие годы учебы, я написала столько сочинений, рефератов, курсовых и дипломных, что можно было уже книжный шкаф заполнить работами с моим авторством. Но реалии таковы, что никому эти «писульки» не нужны. А мне, как филологу, захотелось оставить при себе видимый кусочек своей писательской натуры.

Ну и третья причина, пожалуй, самая важная, это те чувства и эмоции, которые у меня возникли при повторном прочтении этих «мемуаров». Я то плакала, то смеялась, то была удивлена, то мне было стыдно... И в какой-то момент я осознала, что эта книга может подарить и вам сходные эмоции. Ну а лишить вас возможности прожить эти чувства я не могу.

Надеюсь вам понравятся эти 25 000 слов о мире людей, увиденном глазами грудничка.

Приятного прочтения!

Знакомьтесь – Я – новый человек

Привет! Я мальчик. Мне уже пора рождаться. Пока у меня нет имени, но скоро оно появится. Мама просто все никак не может определиться. Она хочет назвать меня как-то по-особому, чтоб в имени выражалась вся ее любовь ко мне. И чтоб непременно ни у кого такого имени не было. А папа согласен на имя Андрей. Или любое другое, как он говорит, человеческое имя. Родители часто спорят на тему имени.

Жаль, что у меня нет права голоса. Мне нравится звук «р» и звук «к». Вот если бы было какое-то имя с этими звуками... Я когда-то слышал, они упоминали имя Кирилл. Мне оно понравилось. Мне хочется, чтоб меня назвали именно так. Жаль, что я не могу сам выбрать себе имя.

Остается полагаться на выбор родителей.

Мне очень уютно у мамы в животике. Тесновато, конечно, но всё же безопасно. Идет 41 неделя. У меня еще есть время, если верить умным людям в белых халатах. Подожду еще чуть-чуть. Мне говорили, что я сам могу выбрать время появления на свет.

Страшное слово «Роддом»

Странно, мама ложиться в больницу. Говорят, что если я не появлюсь через 2 дня, то будут вызывать роды. А как это, вызывать роды? Это же я сам должен решить, когда мне родиться. Вот я и хочу еще немного побыть здесь, в темноте и безопасности. Да, кстати, имя так и не выбрали.

Прошло два дня. Мне здесь очень хорошо, правда мама постоянно просит меня побыстрее родиться. Куда она спешит? Иногда она даже плачет. Мне ее очень жалко, и я хотел бы ей помочь. Но мне так навитья здесь в тишине и безопасности. Тем более, что я сам решаю, когда мне появиться на свет.

Первое потрясение

Они не дождалась!!! Вот значит, как вызывают роды! Я почувствовал, как меня что-то немного царапнуло по голове и теплые воды, которые были почти недвижимы вокруг меня, куда-то устремились. А еще через некоторое время пространство вокруг меня стало сжиматься и трансформироваться. Вод становилось все меньше, а давление ощущалось все чаще. Мне неуютно и страшно. Я еще не успел свыкнуться с мыслью о расставании с этим местом. Я не реализовал свой выбор.

Внезапно я почувствовал, как мое тело куда-то продвигается, его сдавливают со всех сторон и выталкивают вперед. Наверное, это рождение. Мне говорили, что эти ощущения не из приятных. Я слышу крики и чувствую, как где-то там суетятся люди в белых халатах. Те, которые не дали мне самому выбрать свой день рождения. Еще и подговорили маму – она сама бы не решилась лишиться меня права выбора. Ведь мне еще не скоро предстоит что-то выбирать самому.

Тут я почувствовал, как кто-то обхватил мою шею руками, а в следующее мгновение я уже издал свой первый крик. Я хотел им сказать, что зря они меня так рано вытащили, что я еще хотел понежиться в маминой утробе, но у меня получилось лишь крикнуть. Мой крик был каким-то неумелым, и в тоже время очень пронзительным и настойчивым.

Она...

А потом я увидел Её. Мою маму. Какая же она красивая! Большое размытое пятно голубоватого света. Она улыбалась мне, я это знал! Как же я хотел увидеть и запомнить эту улыбку, пронести ее сквозь года. Первую улыбку своей мамы! Я силился разглядеть ее, уловить, хоть на миг. Но все сливалось и терялось на фоне голубого пятна моей мамы. Я хотел ей сказать, что, несмотря на внезапность и незапланированность моего появления, я рад ее видеть. Но вновь у меня вырвался лишь нелепый громкий крик. Неужели я не умею говорить? Ладно, с этим разберемся потом. А сейчас – тепло ее кожи. Я счастлив!

Снова что-то не так. Чувствую, как чьи-то огромные руки берут меня и несут. Со мной что-то происходит: чувствую прикосновения полотенец, струи воды, снова полотенца. Меня куда-то кладут, переворачивают, потом снова берут на руки. Прикосновение ткани, все мое тело укутано тканью. Да это же мой первый наряд! Он пахнет мамой! Она его сама для меня выбирала. Мне стало намного спокойнее.

Вот меня опять взяли чьи-то руки. Эти не такие быстрые и умелые как те предыдущие. В них чувствуется нежность и забота. Кто же это? Не могу разглядеть: все расплывается. Вдруг этот кто-то ко мне заговорил. Да это же мой папа! Он тоже здесь! У него хороший и тихий голос. Мне с ним спокойно. Пожалуй, посплю. Я очень устал. Рождаться – нелегкая работа.

Первый голод

Я проснулся от странного, неведомого мне ранее чувства. Что-то незримое, охватывающее все мое нутро, медленно ползло в моем теле и захватывало все мое нутро. Тянущее, и все усиливающееся. Голод, догадался я. Впервые я чувствую голод! Интересно, какое меню меня ждет? Где-же мама? Нужно ее позвать. И снова этот пронзительный крик. Да, неудобная система коммуникаций. Как же они догадаются, что именно я хочу им сказать? Еще один крик.

Они поняли! Я чувствую что-то теплое, мягкое и приятное во рту. Мне хочется есть, и я делаю свои первые инстинктивные движения губами и языком. Мои труды не напрасны: я чувствую, как что-то влажное касается моего языка. Мой первый глоток! Восторженный своим достижением я удовлетворенно ем дальше.

Я изучаю мир

Теперь, когда я насытился и отдохнул, я могу начать изучать мир вокруг меня. Так, эти два размытых силуэта я знаю – это папа и мама. Их окружает свет и разной формы, и яркости размытые пятна. Интересно, все именно такое, каким я его вижу? Очень надеюсь, что нет. Иначе все как-то однообразно и уныло.

Вот! Мои родители снова спорят, как меня назвать. Я напоминаю им, что мне нравится имя Кирилл, но они слышат лишь крик и начинают меня баюкать и качать. В итоге я засыпаю. А когда я проснусь, я узнаю, что меня назвали Никитой. В этом имени нет звука «р». Мне печально. Но я утешаю себя тем, что в нем есть звук «к». Да и то, как нежно мои родители произносят это имя, заставляет меня тоже полюбить его. А что? Нии-кии-та... звучит хорошо. Ой! Снова в сон клонит.

Тяжелый был день! Я родился. Не так как планировал, но видимо, в жизни бывают разочарования. Зато я уже знаю, как выглядят мои папа и мама. А также вкус своей первой еды и нежность папиных рук. Жаль, я так и не смог разглядеть мамину первую улыбку. Но, главное, не пропустить последующих. Мне не нравится, что я не могу говорить. Мой крик режет мне уши, но меня удивляет то, что родители меня понимают. Я очень оптимистично настроен на дальнейшую жизнь. А теперь снова спать.

Второй день жизни

Я проснулся от боли: что-то кольнуло мне в пятку и продолжало давить. Я закричал и открыл глаза. Снова размытое пятно. Но на сей раз белое и холодное. Я испугался. Где же мои родители? Неужели я один? Немного поведив вокруг взглядом, я увидел их: мама и папа стояли рядом, немного в стороне. Я закричал еще громче, пытаюсь попросить у них защиты и помощи, но они стояли недвижимо. Неужели они не знают, что мне больно? Как они могли такое допустить? Почему они меня не защитят? От досады я начал плакать еще громче. Мне было уже не до боли в пятке, у меня впервые болела душа от предательства родных людей.

Белое пятно ушло, оставив меня, кричащего, в покое. И тут же ко мне подошла мама, взяла меня на руки и начала мне что-то нежно шептать. Ее теплые, заботливые руки. Я их так люблю. За возможность оказаться в этих уютных объятьях я готов простить предательство. Мама почему-то меня начала хвалить. Она говорила, что я молодец, что я, как настоящий мужчина, стерпел боль. Кажется, она гордилась мной. Я рад был доставить ей это удовольствие. Правда, связав воедино новые для меня понятие «мужчина» и ощущение «боль», у меня закралось подозрение, что удел всех мужчин – терпеть боль. И чтоб не разочаровывать маму, я усилием воли перестал плакать. Хотя мне так хотелось пожаловаться ей на то, как мне было больно, и как я испугался, что меня оставили без защиты, и что меня впервые предали. Да и пятка все еще ныла от этой самой боли. Но я же мужчина! Мне нельзя плакать.

За всеми этими событиями, я и не заметил, как проголодался. Я снова издал крик, чтоб попросить поесть. И меня тут же накормили! Все-таки меня любят. Со спокойной душой, умиротворенный этим осознанием я снова заснул.

Мои первые сны

Мне снились разные звуки и голоса, они звучали вокруг меня. Я видел, причудливой формы силуэты и пятна. Некоторые светились, некоторые были темные. Одни двигались быстро, другие застывали на месте или неспешно куда-то плыли. Я же, легко покачиваясь, как на волнах, наблюдал за ними. Но вдруг качка стала сильнее и до меня начал долетать голос: «Вставай, просыпайся! Пора кушать! Ты должен проснуться!» Ничего не понимая, я раскрыл, было, рот чтоб зевнуть, но закрыть его не смог, так как губы сомкнулись на мамином соске. Я отрыл глаза, чтоб посмотреть, что это за безобразия и увидел, стоящее у маминой койки, белое пятно. Оно зычным голосом рассказывало, что меня нужно кормить через каждые два часа. А если я сплю, то меня нужно непременно будить, чтоб я поел. Это казалось мне абсурдом. Неужели мама поверит этому неприятному, скрежещущему голосу?

Чтоб прогнать это холодное белое пятно, я решил немного поесть, чтоб, как говорится, усыпить их бдительность. В этот раз пища мне показалась не такой вкусной, как обычно. Но, чтобы не разочаровывать маму, я продолжил нехотя есть. Подействовало! Неприветное пятно ушло. Я повернул голову и высвободился из-под маминой груди. Она погладила меня по голове и не стала заставлять больше кушать. Она сказала папе: он сам разберется, когда ему есть. Какое счастье! Она меня так хорошо понимает! Я ей очень за это благодарен. Я снова заснул.

Мне снилась мамина первая улыбка, точнее то, как я себе ее представлял, то насколько я тогда, в первые секунды моей жизни, смог ее разглядеть и домыслить. У нее была самая добрая и любящая улыбка в мире. А еще мне снилось, что мы вместе с мамой летаем: большое светло-голубое пятно и маленькое лазурное рядом. Когда я вырасту, я хочу стать таким же большим пятном, как папа, только лазурным. Кстати, папа у меня – самое лучшее и сильное синее пятно из всех размытых пятен, которые я видел. Сильнее и синее всех остальных!

Мне нравится быть новорожденным: я только подаю голос, и сразу ко мне подходит мама. Она моментально понимает, чего я хочу, и удовлетворяет мою потребность. А папа меняет мне подгузники. Его руки сильнее и шершавее маминых, но папа научился ими управляться – его прикосновения мягкие и осторожные. Он делает так, чтоб мне было комфортно. После общения с ним я остаюсь всегда в сухом подгузнике и свежей одежке. Мой сон никто не тревожит, даже не смотря на наставления белого пятна. Родители стараются говорить шепотом, когда я сплю. Но я знаю, что они рядом – я чувствую их дыхание, когда они наклоняются ко мне, проверить, все ли в порядке. Я, наверное, самый счастливый малыш в мире.

Мне так мало нужно и все это у меня есть! Меня кормят, содержат в тепле и сухости, и дают поспать.

Мое первое прошлое

Я немного повзрослел – мне уже три дня! Я в совершенстве знаю вкус маминого молока, узнаю окружающие меня звуки, различаю голоса. Вот! Сейчас папа разговаривает с белым пятном. Послушаю, о чем они говорят.

– Завтра мы можем вас выписать, – сказал чужой голос.

– Отлично, – ответил папа. Хлопнула дверь.

– Слава Богу, – сказала мама, – я так хочу домой!

Домой!? Ах да! У нас же есть дом! Я совсем про это забыл, я так был занят жизнью, что совсем забыл о том, что мы все находимся в больнице. Завтра мы поедем домой. Интересно, какой мой дом? Все, что я о нем помню, это что там время от времени играет музыка, мама разговаривает с кем-то, но я не слышу собеседника, а еще меня колышет из стороны в сторону, когда мама танцует. Она кружится по комнате, под музыку, и каждое движение попадает в такт. Ей радостно, я это чувствую на вкус – воды вокруг меня становятся слаще.

Стоп! Но больше нет вод! Они были! БЫЛИ. Какое странное слово. Я только сейчас осознал, что существует прошлое. Значит, в моем доме время от времени играла музыка, мама разговаривала с кем-то, а меня колыхало из стороны в сторону и воды становились слаще. Как грустно осознавать, что последнего я уже никогда не почувствую вновь. Это прошло. Навсегда.

А что еще прошло? Чего еще я больше не смогу пережить и прочувствовать?

Я никогда больше не смогу оказаться в своем прежнем домике маминой утробы. Я больше не услышу стук ее сердца так отчетливо и близко. Я больше не смогу ощутить чудо рождения.

Но если есть на что оглянуться назад, может, есть что-то и впереди? Конечно! Врач сказала «завтра можем выписать». Такое заманчивое завтра! В нем может быть что угодно. Это как коробка с сюрпризами. Все, я с нетерпением жду завтра. Хотя, что это? А, я снова хочу есть. Да, голодному мне будет тяжело дожидаться завтра.

И я снова закричал, требуя еды. Жить-то нужно сейчас.

ОПЯТЬ БОЛЬ

Я проснулся от шелеста – это папа складывал вещи в полиэтиленовые пакеты. Мама ему помогала. Они радостно говорили о предстоящей выписке и оживленно ходили по палате. Вскоре пришла медсестра и выдала какие-то справки. Она сказала, что мне еще нужно сделать прививку и направилась ко мне, чтоб взять меня на руки. «Что за прививка?» – подумал я. Может, я не хочу, чтоб мне ее делали. Но меня снова никто не спросил. Молодая медработница уже несла меня по коридору, направляясь в процедурную. Я снова остался без защиты и поддержки родителей. А это оказывается, очень страшно!

Меня положили на пеленальный столик, расстегнули человечек. Я с интересом и опаской наблюдал за движениями медсестры. Я почти не мог ее разглядеть, но она со мной заговорила, и мне показалось, что она добрая. Её голос звучал спокойно и уверенно. Она сказала, чтоб я не боялся, что больно не будет. Солгала.

Уже в следующий миг я почувствовал жгучую боль в плече. Я хотел было заплакать, но вспомнил, что я мужчина. Так говорила мама. А мужчины не плачут. Но боль нарастала, и как я не силился сдержать крик, мне это не удалось. Я снова кричал. Сначала от боли, а потом от разочарования в себе, что не смог ее стерпеть. Раздосадованный своим малодушием, я даже заметил, как меня снова одели и принесли в палату к родителям.

Выписка

Опомнился я уже на руках у мамы. Ее запах в который раз подействовал успокаивающе. Правда, было что-то новое в ее аромате, что-то приторно неестественное. Оно заглушало ее природный запах, к которому я успел привыкнуть. В последствии, я узнал, что это были ее любимые духи. И зачем только люди ими пользуются?

Пришел папа, сказал, что все готово, пакеты в машине и родственники ждут у входа в роддом. Родители были в приподнятом настроении. Последнее, что оставалось сделать: переодеть меня. Для этого пришлось снова задействовать медсестру. Мне совсем не нравилось, как она обращалась со мной. Ее движения были быстрые, четкие, бездушные. Успокаивало одно – это последнее, что я должен стерпеть перед тем, как навсегда покинуть здание больницы.

И вот – все готово! Точнее я готов. Меня одели в самые красивые одежды, которые я только видел за 3 дня своей жизни. Меня положили в странный конверт и обмотали голубой лентой. Было очень жарко и неудобно, но по умиленному тону родителей я понял, что им так нравится. Они сказали, что с этим огромным синим бантом я выгляжу, как подарок. Я был рад им понравиться.

Папа взял меня на руки, и мы пошли по длинному коридору. Распахнулись двери роддома и меня сразу же ослепили вспышки яркого света: это меня фотографировал, как я, впоследствии, узнал, мой дедушка. Вокруг нас столпились какие-то люди. Они все время оживленно и восторженно что-то говорили, глядя на меня. Точнее на мою, с трудом пробивающуюся из-под груды одежды и массивного конверта, мордашку. Они то и дело вскрикивали: «Какая прелесть!», «Весь в папу!», «Нет, нет, смотри же – глаза мамыны!»

Я попытался посмотреть на маму, чтоб узнать, на что похожи мои глаза и был удивлен тем, что мама уже не просто голубое пятно. На ее привычном мне, пастельном, фоне отчетливо выделялись вкрапления ярких красок: желтых, красных и бордовых. Оказалось, что встречающие подарили ей цветы. Мне очень понравился ее новый яркий образ. И ее голос звучал более живо, чем обычно.

Я посмотрел вверх и увидел над собой бесконечную лазурь голубого прозрачного неба. По цвету оно мне напоминало маму, только небо было во много раз больше и глубже. Оно обескураживало своим величием. Я застыл, пораженный этой красотой.

Но любовался я не долго, так как пришло время садиться в машину, и ехать домой. Моя первая поездка на автомобиле! Папа был за рулем. Я им гордился! Он так умело управлялся с рычагом переключения передач и баранкой, что меня распирало от приятного осознания, что именно этот человек мой отец. Блаженствовал я не долго, так как от приятного покачивания я почти сразу провалился в сон.

Дом

Открыв глаза, я испугался. Я лежал в незнакомом мне месте, а надо мной грудились пронзительно-яркие шары. Мамы не было рядом. Я заплакал. В следующую же минуту моя мама склонилась надо мной и нежно взяла на руки. Немного успокоившись, с высоты ее роста я смог разглядеть то место, где я лежал. Это была симпатичная кровать, украшенная голубым прозрачным балдахином и гирляндой из разноцветных шаров. Да, сверху все выглядело действительно празднично, а не угрожающе, как мне вначале показалось.

Так вот он, какой дом. ДОМ. От этого слова мне стало радостно. Я еще никогда не видел его, но все казалось каким-то родным, знакомым и приятным. Цвета вокруг были теплых оттенков. Все утопало в мягком солнечном свете, который лился сквозь большое окно. Эта благодатная картина вселяла уверенность в беззаботном будущем.

Кормление

Даже мамино молоко в стенах родного дома стало вкуснее и жирнее. Оно стало сладким. Каждый раз, когда меня кормили, я жадно присасывался к соску, чтоб получить, как можно больше этого лакомства. Иногда мама вскрикивала и отстраняла меня. Возмущенный, я начинал протестовать. Мой протест выражался в пронзительном крике. И мне сразу же вновь давали грудь.

Правда я слышал, как мама жаловалась папе, что я разгрыз ей соски и ей очень больно меня кормить. Я чувствовал себя виноватым. Я старался есть нежнее, но у меня ничего не получалось. Как только я чувствовал капли белого сладкого молока на языке, я инстинктивно начинал сосать сильнее, иногда со звериной жадностью, издавая звуки, похожие на рычание или храп зверя. И тогда мама смеялась. Я знал, что ей больно, но она умилялась и говорила, что я ее ненаглядный волчонок.

Как же она меня любит!

Однажды, видя мамины мучения, связанные с кормлением, папа предложил кормить меня смесью. Меня это очень возмутило: лишить меня материнского молока! И тогда я понял – папа любит маму больше, чем меня. Интересно, что скажет мама? Как я и предполагал, мама не стала ставить свое благополучие выше моего, и ответила, что не прекратит кормить меня грудью.

Все-таки она меня очень сильно любит!

Правда, этот разговор привел к неожиданному повороту, которым я остался очень недоволен, но ничего не мог предпринять. Чтоб хоть как-то уберечь соски от моих неумелых беспощадных десен, и уменьшить количество боли, которое маме приходилось терпеть, кормя меня, она решила сцеживать молоко из одной груди и поить меня из бутылочки. Она планировала таким образом заживить раны, образовавшиеся, вследствие моего неумного аппетита. Молоко из бутылочки было не таким вкусным: оно успевало остыть и приобретало едва осязаемый, но все же неприятный, привкус резины и пластика. Да и, скажу я вам, сосать холодную твердую соску на бутылочке было очень уныло. Но чего не сделаешь ради мамы. Она же меня так любит! Нужно отплатить ей тем же. Эх, скорее бы у нее зажили раны на соске, и она снова начала кормить меня обеими грудями. А с папой впредь нужно быть осторожнее и внимательнее – я чувствую от него угрозу. Он очень плохо влияет на маму.

Найди 10 отличий

История с бутылочным кормлением тянулась два дня. Чтоб не расстраиваться, я придумал себе игру. Каждый раз, когда меня кормили, я старался найти отличия между кормлением грудью и кормлением из бутылочки. А поскольку мама чередовала эти виды кормления, это давало мне возможность перепроверить свои наблюдения. И вот что я заметил:

1) Молоко из груди всегда одинаковой температуры, а из бутылочки оно каждый раз разной температуры, но всегда намного холоднее грудного.

2) Из груди молоко льется неравномерно: сначала оно льется довольно быстро, но имеет водянистый вкус и низкую жирность. По мере сосания оно становится гуще, слаще и жирнее, но его становится сложнее добыть. Бутылочное молоко всегда одной консистенции и его всегда одинаково легко пить.

3) Удивительно, но молоко из груди имеет успокаивающий, а частенько и снотворный эффект. Я часто засыпаю после, а то и вовремя, кормления грудью. А вот после кормления из бутылочки такого не происходит.

4) Грудное молоко бесконечно. Я как-то пытался из любопытства выпить все молоко из груди, но так и не смог. Утомленный процессом сосания и переев, я заснул раньше, чем смог осуществить задуманное. А вот бутылочное молоко заканчивается очень быстро – пять минут и пусто. Я частенько остаюсь голодным. Я даже начал побаиваться этих кормлений из бутылочки.

Я мог бы найти еще больше отличий, но благо на третий день мама решила, что ее сосок немного зажил и можно вернуться к нормальному кормлению. Однако мне кажется, что она это сделала ради меня, так как, сравнив в процессе дальнейшего кормления, ее оба соска (тот, которым она меня продолжала кормить, с тем, который она заживляла, сцеживаясь) я не заметил разницы. Раны все еще были достаточно глубоки, и мои активные сосательные движения доставляли ей немалую боль. Я продолжал чувствовать себя виноватым, но по-прежнему не мог с собой ничего поделать. У меня даже мог бы развиваться комплекс вины, если бы не счастливая случайность: мамины соски заросли как-то сами собой спустя месяц, что позволило мне впоследствии питаться в свое удовольствие, не доставляя маме хлопот и не портя себе аппетит угрызениями совести.

Прогулки

Меня иногда вывозят на прогулку. Для этого на меня надевают две шапки и теплый комбинезон. Я ненавижу шапки: одна из них постоянно наползает мне на глаза и неприятно давит на переносицу, а другая просто невыносимо колючая. Она впивается мне в шею своими шершавыми нитками и ужасно натирает кожу. А еще в этой страшной шапке есть завязки: такие длинные плотные ленточки, которые норовят меня задушить. Из-за них я даже боюсь поворачивать голову, чтобы узел у меня под подбородком не затянулся плотнее. Дополнительный недостаток шапок – это то, что я в них почти ничего не слышу, и ощущаю себя еще более беспомощным, чем я есть на самом деле. Мне отчаянно хочется повернуть голову, чтоб освободить хотя бы одно ухо из-под гнета этих ужасных шапок, но, как я уже упоминал, меня пугает узел на шее.

Теперь о комбинезоне: во-первых, он велик на меня. Мои руки едва ли доходят до середины рукава, а мои ноги практически не попадают в штанины. Еще у этого огромного комбинезона есть капюшон. Это близкий друг шапок и, соответственно, мой злейший враг. Он следит за тем, чтоб ни одна шапка не улизнула с моей головы, плотно прижимая их к моему затылку.

Вторым минусом комбинезона является то, что я не могу в нем шевелиться – он давит на меня своим весом и мощностью, каждое движение дается мне с титаническим трудом и отбирает много сил. Поэтому я стараюсь лежать недвижимо под тяжестью всей этой экипировки.

Но видимо так нужно. Мама всегда одевает меня с особой заботой и тщательностью, приговаривая, что не хочет, чтоб я замерз или простудился на улице. Когда я полностью одет, она смотрит на меня очень довольными глазами и смеется. Она говорит: «Ах, ты моя гусеничка!» и крепко прижимает меня к себе. Мне это очень нравится, и я готов ради ее радости стерпеть муки плена шапок и заточения в комбинезон.

Потом меня кладут в коляску и вывозят из квартиры. Коляска – это такая уютная колыбель на колесиках. У нее есть огромный навес, кстати, он похож на небо: такой же голубой и в форме купола.

Я еще заметил, что, когда мы собираемся на улицу, родители как-то удивительно преобразуются. Они становятся больше и меняют свой цвет: папа всегда одевает черное, а мама зеленое или красное.

В прогулках мне нравится момент первого глотка свежего прохладного воздуха. Он особенный. Воздух щекочет ноздри бодрящим холодком и неспешно направляется вглубь, наполняя собой каждую клеточку моего тела. Я жадно его вдыхаю, а в это время коляска неспешно куда-то катится, покачиваясь из стороны в сторону.

Если вы меня спросите, что я еще могу рассказать о прогулках, то будете разочарованы ответом, так как я больше ничего не помню. Я всегда засыпаю почти сразу, как только мы выходим из дому. Иногда я успеваю разглядеть небо и услышать веселый смех детишек, но потом неминуемо я проваливаюсь в сон. Иногда я думаю, что во всем виноват именно свежий воздух. Возможно он имеет снотворный эффект. Мне очень хочется не спать, чтоб разглядеть получше улицу, узнать, что это такое и как это выглядит. Но я не могу, как бы я не пытался бороться со сном, два-три глотка прохладного воздуха, и я засыпаю.

Просьпаюсь я обычно уже дома, когда мама или папа раздевают меня. Я счастлив избавиться от непосильного ига этих одежд. Ко всему прочему меня сразу кормят. Еда после прогулок особенно вкусная. Мне порой кажется, что молоко приобретает бодрящий вкус прохладного свежего воздуха, и я представляю, что оно становится цвета неба – голубое. Забавно, скажу я вам, пить небо. И я стараюсь растянуть мою трапезу подольше, насладиться каждой каплей «небесного» молока. В эти моменты я задаюсь вопросом, какое же на вкус настоящее

небо; как до него достать, чтоб отпить кусочек; холодное оно или теплое... Я представляю разные варианты и за этой нелегкой работой я снова засыпаю.

Как я вижу

Я расту, и все вокруг преобразается. Моя мама и папа больше не кажутся мне размытыми пятнами. Я отчетливо вижу их силуэты. У мамы красивая фигура, а папа немного худощав. Я могу различать их лица: у папы оно темноватое, а у мамы бледное. Я пока не могу детально разглядеть черты их лиц, но я усиленно стараюсь. Я пытаюсь сфокусировать свой взгляд на ярких или контрастных предметах, но мне все же не удается долго смотреть на них. Глаза, будто сами скашиваются в сторону, соскальзывая с цели.

Мне очень нравится, когда мама или папа заглядывают ко мне в кроватку. Обычно я вижу лишь белую пелену потолка – монотонную, скучную, пустую. И вдруг на белом унылом фоне возникает такое родное и любимое лицо. Я внимательно смотрю на него, стараясь не упустить ни единой эмоции. Я изо всех сил сосредотачиваюсь на этом лице, но мой взгляд меня не слушается – он то и дело скользит ото рта, к глазам, от глаз ползет к волосам, затем к носу. И так все время. Правда мне еще приходится отвлекаться и на звук, ведь родители всегда рассказывают мне что-то. Их интонации разнообразны, и они знают много слов. Вот бы я тоже так умел говорить. Я хочу повторить за ними, произнести какое-то слово, но у меня не получается. Я могу лишь кричать. Иногда мне удается издать довольно приятный звук, и родители очень умиляются и хвалят меня.

Колики

Но не всегда все так радужно и хорошо. К вечеру у меня начинает болеть животик, и я очень сильно плачу и кричу. Родители очень переживают за меня. Они пробуют разные способы, чтобы мне помочь. Папа проглаживает пеленочку, чтобы, теплую, ее положить мне на живот. Говорят, тепло помогает. Но я бы так не сказал. Скорее меня немного отвлекает чувство разливающегося по моему туловищу тепла, и я не так громко кричу. А еще мама мне гладит животик. Вот это действительно облегчает боль. Когда и это не помогает, папа носит меня на руках, и я вскоре успокаиваюсь. Мне очень не нравится, когда у меня колики, это ужасно и мое настроение портится. Я не могу терпеть эту боль и вынужден плакать. И тогда мама расстраивается. А я не хочу ей доставлять хлопот, ведь я же ее люблю. Папа говорит, что к четырем месяцам я перерасту эту напасть. Эх, скорей бы! Мне так больно и очень жалко маму.

Ей кто-то сказал, что это из-за нее у меня газики, мол она что-то не то ест. И мама старается теперь ограничивать себя во всем. Из-за этого молочко становится менее сладким и совсем не жирным. Мне такое не нравится, да и колики, сказать по правде, никуда не деваются.

Гости

Ко мне должны приехать родственники! Я впервые принимаю гостей. Это очень ответственное событие, так как я должен произвести хорошее впечатление. Мама почти обо всем позаботилась: она купила торт, заварила ароматный чай, убралась в квартире. Она выбрала для меня самый красивый боди, чтоб я выглядел на все сто. Вот-вот они должны явиться: мамы дядя и тётя. Я им прихожусь внучатым племянником. Вот это титул!

Я лежал и ждал их приезда, представляя, какие они. Похожи ли они на маму с папой? Какие у них голоса? Какие цвета предпочитают? Я представлял их непременно любящими голубой цвет, ну или зеленый. Люди, носящие такие цвета, вселяют мне доверие и мне с ними безопасно. Захваченный всеми этими мыслями, я незаметно для себя соскользнул в сон.

Проснувшись, я увидел новую игрушку, парящую над моей кроватью. Мама завела ее, и та начала проигрывать приятную мелодию, медленно вращаясь. Я был заворожен этим зрелищем. Я начал разглядывать это чудо – это оказался механический мобиль с подвешенными к нему фигурками разноцветных зверушек. Было очень забавно наблюдать, как надо мной проплывает желтый заяц, потом красный кот, далее синяя коровка, а за ней зеленый мишка. Они как будто водили хоровод, или играли в неспешную погоню. Отдельно нужно сказать о мелодии – она лилась нежно, размеренно, но звуки были достаточно громкие и четкие. Мне показалось, что они слетают откуда-то сверху, стремятся попасть мне в ухо, ударяются и отскакивают обратно, растворяясь в тишине. В общем – отличная игрушка. Откуда она взялась?

Мама сказала, что это подарок от дяди и тети. Ой, я совсем забыл! Гости. Где же они? Я хочу их увидеть. Они должны быть замечательными людьми, если подарили мне такой чудный мобиль. Я хочу с ними познакомиться и поблагодарить.

Но не тут-то было. Оказалось, что они уже ушли. Я все проспал. Как досадно! Ну, ничего, в следующий раз я обязательно их увижу.

Мое первое купание

Сегодня меня впервые покупали по-настоящему. До этого дня родители обтирали меня влажным полотенцем, так как мне нельзя было мочить пупочную ранку. Но сегодня, видимо убедившись в том, что все зажило, родители решили меня покупать. Они наполнили детскую розовую ванночку водой и осторожно погрузили меня в нее. Это были непередаваемые ощущения.

Теплая, мягкая вода обволакивала мое тело. Она одновременно грела и гладила мою кожу. Я также уловил, что я как-то иначе себя ощущаю: намного легче и маневренней. Вода меня поддерживала. В ней я чувствовал себя увереннее и раскованнее. Едва я только успел осознать все эти новые чувства, папины сильные руки потянули меня наверх, и моей кожи коснулось что-то тканевое, немного ворсистое, но мягкое. Это мама вытирала меня махровым полотенцем. Мне почему-то сразу стало очень зябко, и влага на моей коже уже не казалась мне приятной. Она, как будто, липла ко мне холодным бездушным клеем. Напуганный этим, я заплакал. Я кричал всё то время, пока мама вытирала меня, пока папа надевал новый подгузник и человечек и даже, когда мама прижала меня к себе. Успокоиться я смог только, почувствовав запах маминого молока, и жадно припав к ее груди. Я пил и успокаивался, с каждым глотком теплого, сладкого молока я забывал тот ужас холодной влаги на моем теле. Постепенно перед моим мысленным взором начали всплывать картины розовой ванночки и теплой, приятной воды. Я снова ощущал себя почти невесомым. Вода держала меня, а ванночка становилась все больше и больше. Я оглянулся вокруг: я лежал на воде, а вокруг меня был огромный океан. Куда ни взгляни – вода. Легкие волны качали меня и убаюкивали. Я заснул.

Деликатные проблемы

Оказывается, жизнь состоит не только из приятных моментов. Я открыл глаза и сразу ощутил, что-то неладное. Мне было неудобно лежать. Что-то жгло мне под подгузником. Я прислушался к своим ощущениям, попробовал пошевелиться – жжение усилилось. Я испугался и заплакал. На мой крик отреагировал папа: он взял меня на руки и понес к пеленальному столику. Я немного успокоился, так как помнил, что после папиных манипуляций мне становится комфортно.

Папа снял мне подгузник и обеспокоенно воскликнул. Затем позвал маму. Меня очень насторожило такое развитие событий. Мама внимательно осмотрела мою кожу и сказала, что она очень красная и с волдырями. Она предположила, что кожа под подгузником могла за ночь запереть или спариться, и что без крема не обойтись.

Оказалось, что крем – это белое, противное вещество, которым мне намазали попу. Он очень щиплет. Я снова заплакал, но папа сказал, что это для моего же блага, что крем вылечит опрелости. Хотелось бы верить, так как жжение невыносимое. Я все еще продолжал всхлипывать, даже после того, как меня переодели. Я не знал, что жгло больше: сыпь или крем. Этот фоновый дискомфорт не давал мне сосредоточиться. Я не мог в полной мере насладиться маминым молоком, прогулка мне не доставила удовольствия, да и заснуть было практически невозможно. Я устал и вымотался.

Прошло еще немало времени, пока сыпь ушла, и я снова смог вернуться к своей прежней жизни. Может это крем помог, а может просто кожа сама восстановилась. Но скажу точно, не хотел бы я прочувствовать это вновь.

«Хотелось защитить ее, спасти...»

Но говорят беда одна не приходит. Правда теперь она коснулась мамы. Врачи сказали, что у нее лактастаз. Страшное слово, не правда ли? Расскажу, как это выглядело для меня. Как обычно утром я попросил поесть. Мама дала мне грудь, и тут я заметил, что она как-то странно вздыхает и, казалось, она была не в настроении. Я начал сосать и почувствовал, что молоко горячее обычного градуса на два. Я очень удивился, такого раньше не было. Пока я пил, мама старалась размять себе грудь. Признаюсь, это мне порядочно мешало – не давало сосредоточиться на процессе кормления. Делая себе массаж, мама то и дело вскрикивала. Я начал за нее очень беспокоиться. И вдруг что-то коснулось моих губ. Оно упало откуда-то сверху. На что же это похоже? Влага... соленая вода...

Мама плакала?! Это осознание ударило меня, как током. Ошарашенный этим открытием, я даже перестал есть. Неужели мама тоже может плакать? Не может быть, что она также чувствует боль! Я же был уверен, что она всеильна, как Богиня. Глядя на нее или папу, я всегда думал, что у взрослых нет проблем, что они могущественны и им чужды мои горести. Оказалось, я ошибался. И тому доказательством была, плачущая от боли, мама.

Я стал присматриваться, как она плачет: тихо, с достоинством, искренне, стараясь не беспокоить никого своей болью. Она терпела боль! Странно, но она же женщина. Терпеть должны мужчины, она сама мне так говорила.

Вот, еще одна слеза упала мне на щеку. Мне захотелось обнять и защитить маму. Утешить ее, сказать, что я ее люблю. Но я был беспомощен. Я даже не смог дотронуться до нее своей рукой – она предательски болталась из стороны в сторону, как будто назло, не касаясь мамы. Раздосадованный своим бессилием я решил, что впредь, когда подрасту, буду всегда защищать свою любимую маму.

Привет из далекого прошлого

Я постепенно узнаю своих родственников. У меня, оказывается, есть прабабушка. Сегодня она приезжала меня навестить. Мне она очень понравилась. Она много носила меня на руках и рассказывала интересные истории. От нее пахло пирогами. Мне с ней очень спокойно. Я даже не побоялся заснуть в ее объятьях. Мне захотелось, чтоб она приезжала чаще.

Правда они с мамой решили испытать марлевые подгузники, так как прабабушка сказала, что одноразовые вредны для меня. Мне было интересно поэкспериментировать. Я с интересом наблюдал, как мне подкладывают, сложенную треугольником марлю под ягодички, переплетают ее концы спереди и закрепляют их. Правда потом их действия мне пришлось не по душе. Бабуля меня запеленала.

Я ненавижу тесноты и скованности. Но бабушка сказала, что так делали раньше со всеми детьми. Кошмар! Как же, наверное, им было ужасно. Я начал было протестовать, я хотел, чтоб меня освободили, но прабабушка нежно стала меня уговаривать не кричать. Зачарованный ее теплым голосом я решил не поднимать шум. В конце концов, немного можно и потерпеть.

Прошло минут десять, и я обмочился – обычное дело. Но дальше все пошло не так как обычно. Влага никуда не уходила. Я ждал ощущения сухости, но оно не наступало. Марля прилипла ко мне. Она была влажной, тяжелой, теплой и неприятной. Ну, тут уж я не стерпел и расплакался. Меня поняли и мокрую пеленку сняли.

Правда потом они одели мне новую марлю и снова запеленали. Удивительно, что за такая игра? Через еще минут пятнадцать я снова обмочился и подал возмущенный крик. Я ожидал, что процедура с марлей и пеленанием повториться, но благо чистые пеленки закончились, и мама сказала, что использование марли не самая лучшая идея. А еще она посочувствовала, что в прошлом приходилось так много времени уделять замене мокрых пеленок и, последующей, их стирке и сушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.